

Права человека и крах общественного договора

«Общественный договор» мертв. Его убил «Левиафан» в лице законодательства о правах человека.

Брайан Патрик Болгер

срд 25 мар 2026

Нам необходимо отойти от замкнутого, оторванного от реальности мира «прав человека». Это выражение настолько часто употреблялось и злоупотреблялось, что почти утратило свой исходный смысл. Его следует уравновесить, добавив акцент на «обязанности». Внесение поправок в Закон о правах человека 1998 года имеет решающее значение для восстановления доверия британского электората. В Великобритании каждый может привести пример абсурдности применения этого закона. В деле «Хирст против Соединённого Королевства (№ 2) (2005) 42 EHRR 41» общий запрет на участие заключённых в голосовании был признан

несовместимым со статьёй 3 Протокола № 1. В деле «*R (Razgar)* против Государственного секретаря по внутренним делам [2004] UKHL 27», касающемся иммиграции и статьи 8 (право на частную жизнь), было указано, что высылка лица помешает лечению его психического заболевания.

Это касается не только Великобритании. Недавнее решение Трибунала по правам человека Британской Колумбии (*ВСНРТ*) вызвало международный резонанс. Барри Нойфельд, бывший избранный член школьного совета из города Чилливак (Британская Колумбия), был признан виновным в дискриминации после того, как выступил с публичными заявлениями против провинциальной учебной программы по сексуальной ориентации и гендерной идентичности (*SOGI*). После восьми лет судебного разбирательства трибунал вынес решение не в пользу Нойфельда и присудил истцам компенсацию в размере примерно 750 000 канадских долларов. ВСНРТ постановил, что публичные комментарии Нойфельда, в которых он отвергал различие между биологическим полом и гендерной идентичностью, нарушали положения кодекса о правах человека провинции. Джон Клиз предупредил, что такие решения создают риск ограничения демократической дискуссии.

Культура «отмены» наглядно демонстрирует трёхступенчатую диалектику политизации либеральной речи. Сначала активисты публично осуждают высказывание, чтобы продемонстрировать свою моральную солидарность с политическим сообществом. Затем объект критики выступает с защитными извинениями, зачастую под сильным общественным давлением. В-третьих, хранители либерализма — институты, суды и медиа — формализуют это осуждение. Это напоминает суд при дворе Дионисия Сиракузского (работодателя Платона), который просил людей оценивать его поэзию. Он попросил поэта Филоксена высказать мнение о некоторых стихах. Филоксену они не понравились, и он честно об этом сказал. Дионисий отправил его в каменоломни.

Социолог Фрэнк Фуреди охарактеризовал это явление как трансформацию характера общественного дискурса:

«Общественная дискуссия всё чаще превращается в терапевтическую арену, на которой высказывания оцениваются не по их правдивости, а по тому эмоциональному ущербу, который они якобы наносят».

Дело Нойфельда демонстрирует, как эта культурная логика может укорениться в процессе принятия административных решений. Трибуналы по правам человека применяют принцип соразмерности: свобода слова может быть ограничена, если считается, что она наносит ущерб достоинству защищаемых групп или

способствует дискриминации. Однако со временем определение вредных высказываний значительно расширилось, предоставив административным органам широкие полномочия по регулированию политического самовыражения.

Покойный теоретик-критик Пол Пикконе, основатель журнала *Telos*, предвидел такое развитие событий. Пикконе утверждал, что поздние либеральные демократии всё больше консолидируют власть в рамках административных структур, которые постепенно поглощают конкурирующие с ними социальные институты: религиозные организации, местные сообщества, профессиональные объединения и образовательные традиции.

«Современные либеральные общества стремятся к административной гомогенизации, при которой содержательные полномочия подчиняются процедурному регулированию».

С этой точки зрения современные системы защиты прав человека не просто защищают людей от дискриминации. Они также определяют границы легитимного политического дискурса, отдавая предпочтение одним идентичностным требованиям и лишая легитимности другие. Политический теоретик Сэмюэл Мойн также отмечает, что язык прав человека всё в большей степени вытесняет демократическую политическую дискуссию:

«Права человека стали доминирующим моральным языком нашего времени, однако зачастую они служат не столько инструментом освобождения, сколько заменителем политической борьбы».

В деле Нойфельда Комиссия по правам человека Британской Колумбии (BCHRT) постановила, что неприятие теории гендерной идентичности представляет собой «экзистенциальное отрицание» трансгендерных людей. Таким образом, Комиссия вышла за рамки регулирования поведения и перешла к рассмотрению обоснованности спорных философских утверждений о половой принадлежности и гендере. Добро и зло. Это явная политизация моральных высказываний.

По мнению Пикконе, жизнеспособность демократии зависит от наличия негативных факторов — продуктивного трения, порождаемого соперничеством различных авторитетов и традиций, подобно «агоре» Древней Греции. Религиозные общины, профсоюзные организации, местные политические институты и общественные объединения создают альтернативные системы авторитета, противостоящие административной гомогенизации. Что касается Нойфельда, то многие из его аргументов были основаны на религиозных представлениях о биологическом поле. С точки зрения административной доктрины прав человека такие призывы могут показаться нелегитимными или дискриминационными.

Однако анализ Пикконе предполагает обратное: демократические общества нуждаются в множестве нормативных авторитетов именно для того, чтобы предотвратить монополизацию моральной легитимности административными институтами. Фуко назвал это «паррезией» от греческого слова, означающего «бесстрашная речь». Эта речь необходима для жизнеспособного гражданского общества. Великобритания слишком долго страдала от парализующих ограничений на свободу слова.

Политический философ Шанталь Муфф утверждает, что демократическая политика требует именно такой формы агонистического противостояния:

«Цель демократической политики заключается не в устранении конфликтов, а в создании институтов, благодаря которым конфликты могут принимать агонистическую, а не антагонистическую форму».

Административные меры, направленные на устранение идеологических противоречий, рискуют подорвать тот самый плюрализм, который они якобы защищают.

Широкая негативная реакция на решение ВСНРТ свидетельствует о том, что административная консолидация полномочий в сфере прав человека сталкивается с растущим сопротивлением. Критики сравнивают такие решения с современными законами о богохульстве — механизмами, наказывающими несогласие с доминирующими моральными нарративами. В Великобритании правительственная рабочая группа разработала **определение «антимусульманской ненависти / исламофобии»**, которое в настоящее время обсуждается в рамках более широкой стратегии социальной сплоченности. По последним сообщениям, министры ожидают, что государственные органы примут это новое определение. Это не закон, но правительство ожидает, что государственные органы — полиция, школы и т. д. — будут его использовать. Постепенно проникающее «административное государство», не избранное народом, особенно активно в Великобритании. Например, «Закон о расследованиях» 2005 года, принятый Тони Блэром, уничтожил беспристрастный характер государственных расследований. Теперь политические назначенцы правительства контролируют результаты расследований. Посредством невыборных судебных и административных органов демократия была отброшена.

Однако в настоящее время за пределами санкционированных государством институтов появляются новые формы несогласия. Женские организации, оспаривающие гендерную политику в спорте, активисты ЛГБТ-сообщества, подвергающие сомнению отдельные аспекты современной гендерной идеологии, а также религиозные общины, отстаивающие свою доктринальную автономию, — все они представляют собой альтернативные источники авторитета, бросающие вызов

административной ортодоксии. Таким образом, критики ортодоксии в области прав человека появляются со всех сторон политического спектра. Возникли популистские движения, бросающие вызов административной гомогенизации.

Если такие дела, как дело Нойфельда, свидетельствуют о структурных противоречиях в современных системах защиты прав человека, возникает вопрос о том, возможна ли их реформа. Одним из многообещающих направлений могло бы стать возвращение к концепции «гражданской ответственности» наряду с требованиями о соблюдении прав.

В современном дискурсе о правах человека часто делается акцент на индивидуальных правах, при этом игнорируются обязанности, необходимые для поддержания демократических сообществ. Это отражает представление о «обществе», а не о «сообществе». «Общество» рассматривает людей как разобщенные инструменты в рамках утилитарной рыночной системы. Возрождение понятия «сообщества» имеет решающее значение для реформирования Великобритании. Между тем идея о том, что права влекут за собой обязанности, уже давно присутствует в международной теории прав человека. В статье 29 Всеобщей декларации прав человека прямо говорится:

«Каждый человек несет обязательства перед обществом, в котором только и возможно свободное и полноценное развитие его личности».

Возвращение этого принципа в современные правовые рамки могло бы способствовать восстановлению баланса между свободой и общественным порядком. В рамках реформы Закона о правах человека 1998 года можно было бы включить «положения об обязательствах, закрепленных законом», разъясняющие, что осуществление прав сопряжено с обязанностью уважать свободы других людей и сохранять демократический плюрализм. Демократическим стандартом должен быть плюрализм, а не общество. На практике это могло бы сосуществовать с правами человека, став политикой, выгодной для всех сторон. Как это могло бы работать на практике? Мои предложения по политике включали бы следующее:

«Тест на взаимность»; обеспечение того, чтобы отстаивание одних прав не приводило к ущемлению конкурирующих прав, таких как свобода слова или свобода вероисповедания.

„**Парламентский контроль**“: когда суды или трибуналы дают слишком широкое толкование прав.

Отмена права административных органов назначать крупные штрафы в случаях, связанных с политическими высказываниями.

Множественные социальные органы власти (PSA): религиозные, научные и местные политические институты, избираемые непосредственно местными жителями. Форма «прямой демократии», которую легко реализовать с помощью современных технологий.

Политический философ Ханна Арендт отмечала, что права, оторванные от политического сообщества, рискуют утратить своё содержательное значение:

«Беда бесправных заключается не в том, что они лишены свободы, а в том, что они больше не принадлежат ни к какому сообществу».

Дело Нойфельда подчеркивает растущую напряженность между административными механизмами защиты прав человека и демократическим плюрализмом. Хотя изначально такие институты были созданы для защиты граждан от дискриминации, расширение их полномочий все чаще превращает их в арбитров в вопросах легитимности политических высказываний. Однако реакция общественности на решение Комиссии по правам человека Британской Колумбии (BCHRT) свидетельствует и о другом: растет число социальных субъектов, оспаривающих монополию административных органов на дискурс о правах. Остается неясным, смогут ли эти новые оппозиционные силы изменить современные механизмы защиты прав человека. Сообщество играет важнейшую роль в новом мире геополитических сдвигов. Национальные государства должны быть способны действовать, а не размышлять. На функциональном уровне необходимы решительные дебаты. Западные либеральные демократии страдают от внутреннего упадка. Юрген Хабермас, немецкий философ, скончавшийся на этой неделе, говорил о «делиберативной демократии»:

«Народный суверенитет и права человека являются взаимосвязанными понятиями».

Он имел в виду, что демократия и права взаимозависимы. В легитимном современном государстве невозможно иметь одно без другого. Хабермас отвергал эти две противоположные позиции. Одна из ошибок заключается в том, чтобы считать, что **народный суверенитет** стоит на первом месте, а права — это лишь то, что большинство решает разрешить. С этой точки зрения демократия — это просто власть большинства. Другая ошибка, которой привержен Запад, заключается в том, чтобы считать, что **права человека** стоят на первом месте как незыблемые моральные ограничения, а демократия — второстепенна, будучи лишь механизмом для их обеспечения. Политическая жизнь лучше всего функционирует в постоянном равновесии...

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Великобритания Трибунал по правам человека Британской Колумбии (BCHRT)